

19
Комиссия по изучению истории Октябрьской революции
и истории коммунистической партии

ИСТПАРТ

(гор. Новосибирск--б. Новосибирск)

*Копии воспоминаний (не заверенные)
Евдэмьицевой, Ульяна, Каширской
и др. о С. М. Кирове в Томске и копии
 stenограмм беседы участников революционного
движения в Томске в период
1905-1906 гг.*

Начато 19__ г.

Окончено 19__ г.

На 66 листах

51
Партархив Новосибирского обкома ВКП(б)
Фонд № 5 опись № 3 дело № 24

2-8-02

ОТКРЫТАЯ ВОПРОСЫ ВОССТАНИЕ
УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В Г. ТОМСКЕ
С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ЗАПОЯБРАНИОТНАРТА.

от 24 сентября 1935 г.

Присутствуют т.т.: от краиспарта т. ВЕРДНИКОВА участница Сибирского революционного подполья т.т. ПИЛЬНИКОВ М.И., ПИЛЬНОВА В.И., ДЕМШИН И.А., КОЛМАКОВ Н.С.

Во вступительном слове т. Вердникова информирует товарищей о материалах обранных ею в Томске за период пребывания и работы в Томске т.С.М.КИРОВА (КОСТРИКОВА).

Тов. ПИЛЬНИКОВ М.И. Вы начали с 1904 года и говорили о подготовке в организации, в которую входил Костриков. Я знал его с 2/XI-904 г., когда нас арестовали в количестве около ста человек. Костриков был в 1904 году в кружке Крамольникова, я этого кружка не знал, я был с 1902-3 года в кружке Смирнова, которого мы звали под кличкой "Николай Бударный" (он был совершенно лысым).

"Николай Бударный" т.Смирнов был профессионалом-революционером, был он фельдшером больницы имени Половцева, и мы имели возможность собираться у него в комнате, но не всегда. Иногда мы собирались на квартире у рабочего деловичина. В этот кружок мы входили до самой демонстрации 18 января. Эта демонстрация не проходила без подготовки, она готовилась дней за 6-7. Тогда я узнал, что с такого-то часа надо нам собираться, что одне военная часть даст нам гранаты, 2-3 Смит-Виссона, мы имели очень много холодного оружия. Это было в обыкновенный рабочий день, но участниками ее были не все рабочие, даже типографские не все были участниками. Я помню, что демонстрация была назначена на 12 часов.

Тов. ВЕРДНИКОВА. Почему же в рабочий день была назначена

в 12 часов?

Тов. Пильников М. В 12 часов - обеденный перерыв. Я знаю, по афише Мавушина, должна была быть демонстрация в 12 часов, но началась раньше. В 12 часов уже убили Кононова и когда мы добежали, то демонстрацию уже разогнали и говорили, что Кононова убили, а знамя сохраниено. После этой демонстрации 18/1, организация была разбита.

Тов. Бердникова. Верно-ли, что 200 человек было ^{прошло?} ~~ранено?~~

Тов. Пильников. Убит был Кононов, а ранен Рябов Петр (недавно умер). 2 февраля была назначена партийная сходка в низком антресоле. Эта сходка была в домике из трех комнат, в которых было набито около 100 человек. Мы задыкались, наблюдая битком, кто стоял, кто сидел на полу. На этой сходке почти все вопросы были обсуждены, обсуждалась эта демонстрация, как она прошла. Начали мы поменьше ~~выходить~~ незаметно, участники получили прокламация, чтобы потом их раздать и стали расходиться. Но делалось это довольно медленно. Но тут Шейкин (потом убит черносотенцами) задержал немножко всех, а в это время двери растворились, появляется полицеймейстер с частью городовых. Более робкие ребята побежали в соседнюю комнату, окна из которой выходили во двор, начали выбивать окна и вскрывать и пока полицеймейстер не забежал в эту комнату, они успели уйти. Всех задержанных привели в это помещенье, в котором мы сейчас находимся. Здесь было арестное отделение № 2 и нас всех посадили в две камеры во втором этаже. (Я ходил в амбулаторию, когда у меня заболели зубы, я помещался в третьем этаже), прождали мы несколько дней. Никто не называл себя. Хайм Бронштейн переделался оборванцем. Нас продержали 2-3 дня и начали возить в жандармское управление в доме Левина (теперь улице Равенства). Арестованы были мы на Никитинской улице в доме № 47. Когда

но вывели на улицу, то я помню, что член комитета Сухоруков
("Бомбч") был от небольшого роста, закричал: "Товарищи, вы пока-
заний отказывайтесь, ничего не говорите, чтобы не вылезать".
Пошли мы с песнями. Это было часов в 12-1 час ночи, уже на теат-
ров выходили. Привели нас в тюрьму и всех посадили. Через 3-4
дня стали допрашивать. Задают нам вопросы жандармский рот-
мистр - фамилия, имя - говорим, "что можете показать". "Ничего
не могу показать". "Как Нам ожете?" И тогда мы говорим: "Никаких
показаний давать не будем, протоколов подписывать не будем".
Только козлик квартиры Кошмарев давал показания, что он был
в отсуствии, потом пришел и видит, что у него на квартире
сходна, так что у жандармского ротмистра никаких протоколов
допроса не было, а только имя, фамилия, и даже подписей нет.

Когда увидели, что получилось, то спохватились, что напрасно
посадили нас в общую камеру. В этой камере я познакомился с

Ивровым. Когда мы просидели месяце два, то добились общей про-
гулки. Сначала мы гуляли в отдельных корридорчиках а в мае месяце
нам разрешили общую прогулку и здесь я помню Кострикова. Он был
на один-два года моложе меня, был молодой парень, но помню, что
он был живой, сухой / с огнем. Если чтонибудь обсуждается,
то он принимает большее участие. Может быть мы были менее гото-
вы, а он ведь готовился в профессиональные революционеры. Мы
были техническими рабочими, какоенибудь задание дадут, заго-
товить чтонибудь, мы это и делали. Он проявлял очень горячее
сердце. Я запомнил это потому, что мы встречались на прогулках.

У нас была голодовка и вот почему. Была в женской тюрьме невеж-
ливое обращение с женщинами, которые были с нами арестованы.

Там была сестра Толстого, которую мы называли Дуся. Она была
арестована с нами и говорили, что с ней плохо обращались. В
знак протеста мы несколько дней голодали, большая часть участво-
вала в голодовке. Два-три человека не участвовали.

48

После трехдневной голодовки приехал возвращая прокурора Дале-
ки для того, чтобы мы удостоверялись, что с жандармов ничего
плохого нет, он разрешил от мужской тюрьмы проехать в женскую и
убедиться, что нас опровочировали. Там и оказалось, нас опровочиро-
вали, там с нами не плохо обращались. Голодовку мы прервали,
а нам прокурор сказал: "Вы голодали, но не знаете за что вы сиди-
те, а сидите вы три месяца". Сначала мы сидели за губернатором,
а потом нас числили по министерству внутренних дел. Прошло еще
несколько времени и 6 июня 1905 года, вечером, всех нас выпустили,
несколько я помню, и Кострикова. Просидели мы ровно 4 месяца и
4 дня.

После этого, я Кострикова не видел, потому что в июне нас
выпустили, а в июле, там наш город был на особом положении, всех
кто сидел со 2 февраля, выслали из города, было нам предложено
в течение 24-х часов покинуть пределы Томской губернии. Повиди-
мому Костриков здесь оставался, потому что он стал работать как
профессионал революционер. Больше я его не встречал. С июля ме-
сяца я был в ссылке до октябрьской всероссийской забастовки,
когда я снова сюда приехал.

Тов. Вердникова. Кто такой был Ледантью? Его имя упоминает-
ся в списке арестованных 46 человек, человек 6 означались наз-
вать свои фамилии.

Тов. Пильников М. Сначала отозвался назвать свою фамилию
студент Бронштейн, а Ледантью - такого не знаю. Сидели Амосов,
Бер- Левин, Григорий Левин, Даронович.

Тов. Вердникова. В одном из воспоминаний говорится, что
не все успели убежать. Это относится к Потекину, который растеря-
лся, потому что он выскочил, но не закричал за собой калитку, и все
оставались на месте.

Тов. Пильников М. В то время там говорили, что был один
соддат Бойко, но его не было на сходке.

89

Этого Бойко я не знал, только видел один раз. У него были синие штаны, но полицейботер знал, что скрывается в этом доме, там был целый черед полиции, Бойко сидел здесь, в тюрьме, в нижнем этаже несорядно детей. Потом говорили насчет него. Но я его плохо знал.

Тов. Бердникова. Освобождены были все одновременно или постепенно?

Тов. Пильников М. Некоторые были освобождены через два месяца, а другие, более подозрительные, через 4 месяца. Через два месяца освободили человек 12, в том числе Бронштейна под залог отца, который приехал из Читы и дал под своего сына залог 5 или 10 тысяч рублей. Сидел также Писарев Инноcentий и Доброхотов Николай Михайлович. Потом Писарев был освобожден, он просидел 16 месяцев и Доброхотов был освобожден вместе с ним. Они были освобождены под залог по 5 тысяч рублей за каждого.

Тов. Бердникова. До допроса все сидели вместе?

Тов. Пильников М. Сначала сидели вместе, а потом раздели по одиночкам, перевели в загородную тюрьму, где были одиночные камеры. Часть из нас сидели по двое.

Тов. Пильников В. М. То, что брат говорил, я могу подтвердить. Но Кострикова я плохо помню. О Кострикове я тоже ничего не помню. Помню я, что после ареста мы шли по мостовой, пели. Это пение прервал офицер. Особенно возбужден был Бронштейн, и он высказал такую мысль, «Вы можете в нас стрелять, но идею на штыки не возьмете». Мы шли толпой, пели, в нашу толпу вошел офицер и сказал: «Прошу, господа, прекратить пение». Некоторые говорили, что надо петь, а другие говорили, что надо подчиниться офицеру и мы в конце концов подчинились. Дальше все так, как говорил брат.

Я только могу добавить по поводу этой демонстрации 18 января. Я был ее участником. В этот день я не пошел на работу и попал на демонстрацию. Подготовка к демонстрации была дней за 7.

30

- 6 -

Я был на собрании по Аршинолосовой улице, около сада Буфф, в доме, в нижнем этаже. Там было большое собрание.

Организатором боевой дружины был "Б ур" (участник англо-бурской войны), высокий мужчина, очень решительный, и он прямо заявил. "Я требую от вас военной дисциплины, если кто никуда отступит от демонстрации, так и должен застрелить". На этом собрании он и выступал. Собрание было на улице, которая называлась Почтамской, сейчас Ленинский проспект, около переулка Нахановича. В то время строился рабочий дворец и там был большой заплот. Когда масса собралась, все двинулось. Нельзя сказать, что было много людей, но улица была запружена, было человек около 500, было много глазкишек. Затем раздались выстрелы, но я не знаю со стороны-ли демонстраторов, или со стороны городовых.

Прошли почти полквартила, там стоял наряд городовых, и когда раздались выстрелы или от демонстрантов, или от городовых, было несколько выстрелов, в это время демонстрация разбежалась. Я побежал вперед. Около магазина книгоцентра был старый отряд казаков, когда они увидели, что толпа бросилась бежать, то они на меня напали. Было очень сильное избиение. Я побежал на Монастырскую улицу, потом вернулся обратно и видел, что ведут товарищей, что их избивают, и повели в 5-й полицейский участок на Почтамской улице.

Эпизод, связанный с Костриковыми. Я был участником этой Сибирской конференции. Мне было тогда 17 лет. Помню, что на наших рабочих был Давидович, Топоногов, Григорий Левин, Гурзовский, Цонин. Я плохо разбирался в то время в этом деле, но помню как сейчас что доклад, главным образом, делал Гурзовский. На 3-м съезде партии был раскол. Все резолюции, которые предлагал Гурзовский, проходили. Был характерный случай, который я наблюдал. Это было не то после 3-го, не то после 4-го заседания. Конференция

51

проходила в лесу за Томоном I-и, за ливней, там в то время был лес. Собрали в роде пикиетов, звануса, чаев, распорядились в лесу, а в это время происходили заседания. В конце конференции, когда почти весь порядок дня был исчерпан, в это время появился в лесу, а там были дачи Фувсмана, Николай Баранский. Немного Гутковский смутился когда его увидел. Потом Баранский подошел к нам, стал выступать в защиту с"езда.

Тов. Бердинова. У вас не появлялись сомнения при разговорах во время конференции?

Тов. Пильниченко В. Я голосовал, но не помню, воздержался ли я. Очень мало было тогда литературы, почти всегда выступал только один человек, оппонентов было очень мало. Выступал теорой замечательный оратор, как Гутковский. Кострикова я почти не помню. Потом я уехал в Читу и работал все время в нелегальных типографиях.

Тов. Демшин У.А. В демонстрации я участвовал. На собрании не был. Работал я в то время у Перельмана. Были я, Митяка Бобарыкин и Воложанин Валериян Евгеньевич. У рабочего дворца была демонстрация и отсюда нас замкнули казаки по набережной Ушайки. И типография наша была на набережной Ушайки. Сюда под"ехали казаки. Когда раздались выстрелы, то казаки повернули обратно. У них произошла паника. Я пошел по Батеньковский переулку, а Воложанин вошел в рабочий дворец, который тогда сгорел, и его там арестовали. Но Перельман за него хлопотал и его через 6-7 дней выпустили.

В это время может быть я и встречал Кострикова, но больше я знал Михаила Попова:

После демонстрации 18 января получилось некоторое затишье, под"ем революционного движения начался в лету. Я ходил в кружок который помещался в том месте, где сейчас автобусы поднимаются

на Воскресенскую гору, там был небольшой домик и мы в нем со-
 бирались. Был там один студент, Я его видел во время demonstra-
 ции и он говорил, что только чудом спасся от ареста. Он был везен
 в каре и шел он швы и каменному мосту, где стояли черносотен-
 цы, которые добили его. Но две курсистки завели его в аптеку
 около каменного моста, там ему сделали перевязку и он уже ночью
 ушел от них. Типография Перельмана была на берегу Ушайки, а они
 его завели в аптекарский магазин Полянера, где ему сделали
 перевязку. Мы с ним потом продолжали работать. Он был наш лектор.
 В кружок входил Михайлов, брат Желонкина, Василий Ткаченко, рабо-
 тавший Яковлевым (он сейчас в Новосибирске). Он был членом партии и
 его нужно считать среди членов добровольного пожарного общест-
 ва, по профессии он наборщик.

И. Яковлев
 1905 г.
 6 июля

Томийи Львичев М.И. Я слышал, что он умер.

Тов. ДЕМЬИН. Подошло лето. Началась забастовка. Я рабо-
 тал в типографии Яковлева. Сначала забастовала эта типография,
 во второй половине июня месяце 1905 г. Бастовали мы неделю.
 На воротах вывесили объявление, что все увольняются. Расчет
 можно получить в 6-м участке, куда переданы наши деньги. Мы,
 конечно, держались за то, чтобы не увольняться. Пробастовали неде-
 лю и решили до следующего понедельника снимать остальные типо-
 графии. Там ребята были достаточно подготовлены. Они знали, что
 как только подойдешь к воротам и крикнешь "бросай работу", так
 они и делали. Была типография епархиального братова, или, как
 мы называли, архиерейская, она помещалась там, где сейчас му-
 зея, затем типография Орлова, Манушина, Перельмана, Кононова. Ти-
 пография Манушина потом стала называться Омбирское товарище-
 ство печатного дела, а переплетная оставалась у Манушина.
 Мы занимали архиерейскую типографию и Кононова. Потом все ти-
 пографии участвовали и на вторую неделю началась всеобщая ти-

погребская забастовка. Нам это легко далось. Печатники решали
опять собраться в лесу в конце Никитинской и Печерской улиц.

Кругом был лес, там мы собирались, там провали съор средства на
поддержку бастующих, составлялись три и, пятерки. Я помню конич-
ный случай. Был такой Буффриев. Нам только возвратился-просит пя-
терку, он сильно пил. У нас была забастовка хорошо организована,
были выдвинуты охраня типографий от штрейкбрехеров. Потом заде-
лись целью больше за городом не собираться. Давайте просить поме-
щение в городе. Выбрали делегацию к губернатору. В эту делега-
цию вошел, Михаил Желоннин, а всего было человек 6-7. Приш-
ли в губернское правление прямо из лесу, все молодежь, ни о чем
не думали. Приходим: - "Вы зачем?" - "Так и так, уполномочены от ба-
стующих печатников, хотим видеть губернатора". нас вежливо приг-
ласили в комнату, спросили фамилии. Мы сказали. Тогда выходит, нам
видно не губернатор, а его заместитель, и начинает спрашивать.
"Где вы сей час собираетесь?" "В лесу". "А почему хотите в горо-
де?" - "Мы не гарантированы, что нас не будут разгонять". - "А сей-
час не разгоняют?" - "Нет". - "Ну и впредь не будут разгонять".
Когда мы вернулись от губернатора, то напечатали воззвание, что
у нас открыты митинги. Те слова, которые мы принесли, были
сформулированы и написали, что открыты митинги на лесной
просеке. Это было во время забастовки. Собралось много публики
и нужно было ее иметь побольше, потому что чувствовалась острая
нужда в средствах. И нам много давали. Митинги были в просеке, а
не у могилы Кононова. Памятник Кононову был открыт после забастов-
ки, в июле, а мы бастовали в июне.

Тов. Пильничев М.И. Забастовка была в июне. Макушинская типо-
графия бастовала дня 3-4. Дальше всех бастовала яновлевская
типография, а чтобы повочь шши яновлевской типографии, остальные
типографии бастовали дня 4-5. Семь дней не выходите ни одна

газета, а леворевольционная типография бастовала две недели.

Тов. Демшин. Тогда выработывали требования. Мы ставили вопрос о 8-ми часовом рабочем дне, но рабочие отвергали и говорили, что это бандитское требование, а не экономическое требование. Тогда мы стали требовать 9-ти часовой рабочий день и это было поставлено. Когда начали опять работать, то орловская типография стала требовать 8-ми часового рабочего дня. Мы работали 9 часов и только в октябре м-це 1905 г. мы доказали рабочим, что это требование не политическое, а экономическое. Манушарская типография приступила к работе, а у Орлова выпускалась газета и за опоздание он платил неустойку. Сам Орлов был за рабочих, ему, как хозяину, не важно было часом больше или часом меньше. Он был более или менее либеральным и начиная с июля м-ца 1905 г. типография Орлова работала по 8 часов.

Тов. Бердникова. А где происходили открытые митинги?

Тов. Демшин. Тут было два митинга. Один во время забастовки печатников, а второй во время стирки и пампника Кононошу. Первый митинг был в лесной просеке. Все шла открыто. Народу было очень много. Тут нужно считать тысячами, одних печатников было человек 500. Мы открыли сбор денег и собрали не только деньги, но нам давали и серьги и всякие другие серебряные вещи.

Здесь же эпизод во время нашей забастовки ее спичечной фабрикой Бухарина, как нас там встретили. Сначала пошли к Беляковскому, а другая группа пошла к Буанцам. Буанцы ее побили, а когда пришла к Бухарину, задержали солдат.

1906

В Июле 1906 года я встретился с Костриковым во втором этаже по Покровской улице (улица Семашко). Теперь этот дом перешел в жандарму, там поделка виллурован, только сохранился второй этаж. Присидели мы здесь. О нас узнали, потому что был провал Бенедиктова. В томскую окрестку попали списки. Бенедиктов был

эти списки для того, чтобы их зашифровать. Я до последнего разговора о Михаиле Попове считал, что Венедиктов провокатор, но потом меня разубедили. Венедиктов оставил эти списки у себя на столе и пошел на собрание. Когда он вернулся домой, то его арестовали и нашли все списки. Списки были очень большие и стояли две буквы: "Д.С." Охранка считала, что это списки боевой дружины. Приехал пристав в ортого участка и сказал: "Я от вашего товарища Михалева". После октября 1905 года союзы вырастали явочным порядком, как грибы, и потом наши союзы прикрыли. Я подавал устав на утверждение и было такое требование, чтобы было указано кто организатор. Мы хотели открыть библиотеку бесплатную, подали заявку и очень долго ждали ответа, но его все не было. Мы обратились к юристу и он нам сказал, что на основании закона от 1 апреля, если через две недели ответа не последует, то считается вопрос разрешенным. Мы, на основании этой справки юриста, пошли в городскую управу, заявили о том, что мы имеем разрешение на бесплатную библиотеку и поместили в газетку заметку, что собирается общее собрание печатников для выборов правления. Когда эта заметка появилась, то сразу меня и Михалева арестовали. Приводя нас в участок. "На каком основании вы поместили объявление?" Мы сказали, что до сих пор не получили ответа. Нам разъяснили потому, что сняли подписку, что мы инициаторы этой библиотеки и нас обяжут отменить это собрание, чтобы не было скандала. Это было за два дня до собрания, и мы сказали, что не знаем утвержден наш устав или нет. Тогда нам показали наш устав весь перечеркнутый чернилами и тогда мы сказали, что теперь мы знаем, что устав не утвержден и нужно его переработать. Мне и Михалеву нельзя было отрицать, что мы друг друга не знаем, потому что наши фамилии были вместе. Мы переименовали потом союз печатников в союз рабочих печатного дела. Михалев был пред-

проц.

содателем, а я секретарем. Это было в сентябре 1905 года. По-
 том начали негнать и фактически все эти союзы закрутились. У
 Николаева ^{концы} и часто бывал, а Носстриков жил вместе с ними. Но я
 как то больше видел Николаева, ^{концы} чем Сергея Носстрикова. Когда они
 сидели в тюрьме вместе с нами, то мы очень возмущались, что
 вот эти партийные работники интеллигентные больше нас подкованы
 и учите нас в тюрьме, а они говорили, что на воле мы отдаемся
 массовой работе, а здесь хотим сами подковаться.

Тов. Бердникова. Вы были арестованы в связи с провалом
 Венедиктова?

Тов. Демшин. Нас тогда было аресто-вано человек 35. По этому
 делу из Ленинграда высылали следователя по особо важным делам.
 Мы сидели в участке. Все были предупреждены, что надо называть
 только имя, фамилия и отчество и больше ничего. Так все ребята и
 держались. Держали нас месяца три и начали по возможности освобож-
 дать. В том числе был и я освобожден. ^{концы} Николаев и Носстриков оста-
 лись. Я помню еще один арест 21 июля 1906 года. Помню я потому,
 что в этот день я как раз именины. И Носстриков был арестован.
 Потом я был арестован в феврале, в дело, которое у нас есть отно-
 сится в декабре 1906 года. Тогда я был осужден на ссылку и ме-
 ня сослали в Иркутск. Я отсидел там больше полутора лет. По-
 том я приехал в Читу, там у меня была связь с редакцией. Там
 был парень, фамилию которого я забыл, он был связан с Носстри-
 ковым. Он получил письмо от Носстрикова, который тогда был на
 Северном Кавказе, что там нег оуровой обирской эми, или в он
 очень доволен, потому что может ходить в одном поджаме и зимой
 и летом. Потом я потерял из виду и Николаева и Носстрикова. Киро-
 ва мы все знали, а что он носит фамилию Носстриковое - никто не
 знал. Николаев я больше знал. В Чите, в газете "Обирское ут-
 ро" был сотрудник и редактор революционно настроенные. Когда мен

Чита

по ошибке выпустили, а я сидел под фамилией "Тушанов", то мне дали явку на редакцию. Я приехал с письмом в Николаю Кробишеву.

Тов. Вердникова. Когда вы были на свободе, кто держал связь с арестованными?

Тов. Демшин. Связь с арестованными была через Красный Крест, но кто работал в Красном Кресте я не знаю. Помощь от них была хорошая. Я сидел в Иркутске и в Красноярске. Передавали нам чай, сахар и табак, а все остальное, как колбаса, хлеб, политическим запрещалось передавать. Можно было организовать передачи через уголовников, которые убирали камеры. Узнаешь его фамилию, ему приносят, а он передает.

Иванов, Терпиловская, я, в печатный станок стоял за тюрьмой, по Бонзальской улице.

В 1906 году я работал в подпольной типографии, главным образом снабжал шрифтами. В виду того, что были провалы, то у нас наборное отделение было в одном месте, а печатное в другом. В наборном отделении работали Иванов, Терпиловская и я, в печатный станок стоял за тюрьмой, по Бонзальской улице. Там работал Фальков и Фей, высокая девушка. В эту типографию мы набрали первый номер "Голос социал-демократа". Мы его сверстали и в сверстном виде перебрали в печатное. Нас ночью арестовали, но после нашего ареста всетаки газета вышла. Мы провалились в наборном отделении. Оно было открыто. Типография провалилась по нашей неопытности. Я только что вышел из тюрьмы, было это должно быть в декабре месяце, а в конце декабря нас арестовали. И жил во дворе, где была мастерская, около ворот была баня и всегда возле бани стоял человек и наблюдал за нашей квартирой. Во дворе было всего два домика, козьяна усадьбы не было. Наследник козьяна там не жил. Мой отец занимал весь двор. Мы там устроили наборное отделение. Отец мой был пьяницей и он потом нас ругал. "Если бы вы мне сказали, то я бы вам тюрьму

тайны сделал"... Но мы боялись говорить даже это. По технике работы у Тюменцева, бумагу и все средства на расходы получали через Тюменцева.

Тов. Бердников. Где вы были в Октябрьские дни? Ф.

Тов. Дильников М. Я в Октябрьские дни был в ссылке, а после октябрьской забастовки приехал сюда.

Тов. Землин. 13-14 октября мы ожидали сигнала, чтобы начать всеобщую забастовку и предупреждали всех, кто был связан с партией, что придет в известное время два-три человека, а вы так подготовляйте, чтобы как только раздастся голос "бросай работу", чтобы были готовы. В печатном отделении мы услышали, что всеобщая забастовка и моментально спустились вниз. У нас были также разговоры, что не успели в тюрьме посидеть и получили всякие свободы. Мы начали разговаривать с более подготовленными ребятами и нам сказали, что это далеко не все. Первое время были большие собрания в Королевском собрании, который был рядом с садом Управления. На митингах руководил Бронер, у него был заместитель. Собрания продолжались очень долго, часть публики уходит, приходят другие, нужно все время вести собрание, все время разговаривать, потому что такое было время. Смотреть на улице, на углу гденибудь, поставили ящик и там митинг. Весь город был на улице, никто ничего не делает. Потом начали наталкивать нас на мысль, что нужно искать какую-то пользу для рабочих и мы с 17-18 октября взяли помещение бесплатной библиотеки и стали предъявлять свои требования. Момент погрома 20 октября мы сидели в бесплатной библиотеке. Нам позвонили по телефону из городской управы, что на Волосовской горе организовалась черная сотня и движется по направлению к городу. Нам сказали: "Если у вас недостаточно оружия, то просьба разойтись, чтобы не было напрасного кровопролития." Мы решили

X-905

58

распустить собрание. Когда мы вышли, то оказались в халате черной сошки. Она нас еще едила. Когда мы начали подходить к переулку Нахановича, то черная сошка стала множеством одна и здании городской управы. А потом вечером, когда не безопасно было ходить, потому что достаточно было показаться в пальто или в синих брюках, чтобы сразу начали кричать "Бей жидов и студентов", а затем же типографских ^{все} ~~еще~~ вообще никто знали, потому что они много насолили. Раньше работали в таких условиях, что от какого из нас пахло скипидаром, потому что было плохое санитарное обслуживание. И вот вечером, когда начался погром, я подходил к управлению, но в самом управлении не был.

До этого

Тогда следом за этой черной сошкой организовалась городская управа, которая имела повязки с надписью: "Г.О.К." Состояла она всего лишь из студенчества, молодежи. В сентябре месяце до октября был открытый митинг в университетской роде. Было

И митинг

напечатано много листовок, что вызывается летучий митинг в университетской роде. Тогда было арестовано много людей, их загнали в губернское правление, где сам час ФТТ, переписали кто назвался, потому что документально у него не было и всех отпустили. Университетская рода выходит и на другую сторону, там происходила засада, и когда начали выходить, то арестовывали и направляли в 5-й участок. Часть проскочила в глубинную роду, но в там была засада и людей садили в участок.

Тов. Вердников. А митинг когда приехал Борис Пильский?

Тов. Демкин. Этот митинг был в беспорядочной обстановке. Он тоже неделю много шуму, т.е. попытка была организовать учредительное собрание.

Тов. Вердников. Это было в декабре и-це, когда затенение наступило уже прямо, об этом вспоминает только Поном.

Тов. Демкин. Митинг был под председательством Понома.

Мы вылетели в самолетом посылкой из Москвы в Ялту, в котором он ехал. Когда узнали, что идет Франковский, что его выгоняли из страны и обратному поезду и позволили обратно в Ялту. Полозу на мятяга было подано письмо от неизвестного лица. Он это письмо прочел про себя и сказал: "Прошу лицо написавшее письмо, прочтете его". Но на публике сказал, что он может быть дорог и надо его охранить. Одна половина требовала, чтобы письмо прочтут, а другая кричала, что не надо читать. А в этом письме написали, что нужно устроить арест Франковского. Михаил держался закой политики, что надо идти с массой людей, только зная, с кем пойдешь, чтобы не было напрасного кровопролития и больше нич его. Когда был мятяг, то была преимущественно учащаяся молодежь, возможно об этом он и говорил. Тогда было много митингов, всех не вспомнишь.

Тов. Бердичова. Каково было настроение после октябрьских дней?

Тов. Демшин После ареста ДГ были бунты, а после бунта голодоме примерно на половине месяца по делу Когана. Сидела также жена Когана в женской отделении и производил начальнике тюрьмы обмен Когана. Жена его была в интересном положении и он постоянно спрашивал о здоровье жён. Помощник ему сказал, что жена родила мальчика, столько то фунтов весом. В тюрьме была нелегальная пресса и он ей послал поощрительное письмо. Она страшно возмущалась и написала ему: "Ты надеешься надо мне?". Сообщили, что она в плохом положении и т.д. Мы потребовали от начальника за клевету уволить помощника. Наше требование не удовлетворили и в одно прекрасное утро все что можно было сломать, мы сломали, все стекла выбили. Построили и еще ^{Лин. Конов} печку развезли. нас выгнали из камер

1906.

и все что починили и снова захватили. После этого вынесли решение лишить нас свиданий на полмесяца. Стали мы обсуждать вопрос о голодовке. Большинство высказалось, что нужно принять голодовку, а меньшинство решило, что не нужно голодовки. Решили так, чтобы каждый делал по своему решению. Меньшинство стало голодать, но голодовка прошла неудачно, потому что тарарам им устроили большой и на две недели дали свиданий. Мы говорили - зачем мы будем это решать, ведь в две недели всего два раза не видаться.

Тов. Бердякова. В сентябре был какой то инцидент, как будто бы 17 сентября.

Тов. Демшин. Я тогда еще сидел. Я вышел в конце октября.

Тов. Бердякова. А побег Черволянца?

Тов. Демшин. Это было при мне. Начальник сидел все время с нами. Он узнал о побеге и стал ходить в больницу, чтобы его перевести на лечение. Его перевели, а потом мы узнали, что ребята убежали. Убежали они так: там есть знаменитый красноярский барачник, он ремонтировался и там стояла лестница. В 12 часов все рабочие ушли работать, а ребята, находясь в больнице проследили, что как только дали звонок, то дежурный надзиратель, который был вместо охраны, начал набирать свои покурки и в будке охраны нет. В день побега, как только дали звонок на бод, надзиратель убежал, они схватили эту лестницу, поставили ее в будке, перебрались через стену, а там близко лес. На следующем углу надзиратель увидел, что убежали и стал стрелять. Иронично это так быстро, что два уголовника козели тоже бежать, но не успели. Это было так - у барачника стояла лестница, они по лестнице добрались до стены, перебрались через стену и в лес.

Тов. Бердякова. Вы говорили, что увел надзиратель, потому что Черволянец попросил такое то поручение?

Не гал.
Могла

1909г.

Тов. Демшин. Нет, это не я говорил. Мерзонице я знаю, потому что он выехал передо мной. Когда меня посадили в Иркутскую тюрьму, Мерзониц там сидел, но его там не узнали и выпустили. Мерзониц был энергичный человек, ему удалось наладить передачу, он мне прислал табак, сапун и оублики.

Тов. Бердникова. Тов. Пильников, вы ничего не можете сообщить об обстановке в Томске после Октябрьских дней?

Тов. Пильников М. Я уехал в Харбин. В 1906 г. приехал к призыву, меня на полмесяца арестовали, подозревая, что у меня есть оружие, а потом отправили на военную службу.

Тов. Пильников В. Я приехал из Читы в январе 1906 года. Потом увидел, что слежка и уехал на Волгу. Работал там в Самаре в нелегальной типографии.

Тов. Бердникова. Стремление к вооружению было более сильное, чем раньше? о вооруженных дружинах вы ничего не слыхали в 1906 году?

Тов. Демшин. После перелома, когда началась реакция, ребята из организации стали выдергивать и работа стала слабеть.

Тов. Бердникова. Мне бы хотелось узнать была ли в томской организации борьба с эсерами и что они собой представляли?

Тов. Демшин. Я жил долго в Томске, знали меня и эсеры и эсдеки. Мне эсеры предлагали, чтобы я им доставлял шрифты, особенно Уэлсона, планшеты Парельмана. Я ему сказал, что тебе проще у дядюшки в типографии достать. Поговори с дядюшкой, и во всяком случае если я достану шрифты, то я сам не понесу. А он мне сказал, "идем разными дорогами, но бить-то будем вместе". Особенной вражды у нас и эсерами не было. У нас был эсер Арефьев. Большинство из нас тяготело к социал-демократам и настроением было социал-демократическое.

Тов. Бердникова. Еремеева вы не помните?

Тов. Демшин.

Тов. Демкин. Я знал студента Тремеева. Я сидел одно время вместе с ним. Он потом обещал и стал писать матери письма. За этого получился его провал. Мать была неграмотная, а у них жила инвертирантка, и как только мать получала письмо, она его относила к инвертирантке, чтобы та ей прочла. Потом они посоветовались и инвертирантка решила ей отомстить. Когда они помирелись то она опять принесла ей письмо читать, а инвертирантка письмо прикарманела и по этому письму арестовали. Тремеев был молодой. Большинство молодежи было в движении. Она была легче на подъем, потому что как только надо идти в бой, семейных трудностей. Если просишь помочь в работе, нужно достать прифэ, это было трудное дело, нужны были люди, а помогаешь боялись.

Тов. Бердникова. Томар посылал типографии в другие города? Вам было известно об этом?

Тов. Демкин. Наше дело было принести прифэ. Это составляло большую тайну и даже не каждый рабочий знал об организации типографии. Например "К.Г." или тов. Тюменцев знал все эти дела. Я знаю, что в Красноярске нужен был наборщик. Предлагали мне, но у меня болела сильно мать, я не хотел ее оставить и договорился здесь с Михилом Балахниным. Он поехал. Сейчас его уже нет, он умер. Мелонин был в Чите.

Михаил Пронов добивается - куда делался Михалев. Они были вместе в тюрьме. Я тогда сидел в тюрьме и не встретил. Григория Лешна я встретил в этом году на веревке Сочи. Он живет в Иркутске.

Тов. Колмаков. Я жил в Томске в 1896 году по 1903 год, а потом до конца 1906 года я был в Харбине. В Харбине я знал Ковалевского по линии обслуживания нелегальной типографии и знал людей в железнодорожных мастерских. Я предоставил большой материал в Испара ЦК. Это карточки, которые были у меня.

я предложил местному издательству и снял копии со всех материалов. У меня есть этот материал. Здесь был Эйдман, потом приезжал Вегман, и сказал что этот материал печатали под моей фамилией. Весь этот материал забрала Вегман. Ценный материал у Валентина Воложакина и был материал у Юнзевин. Было много фотонартучек, были сняты все дома, где проводилась подпольная работа. Я очень настаиваю на издании всех этих материалов.

Когда печатники начали революционное движение Баранский был, а Вилейский говорит, что "до нас ничего не было". Но еще до этого перехода была большая организация. Члены руководили революционным движением в Омске. В Гресснахроне был провал за провалом и дали распоряжение не устраивать типографии, а потом послали наборщицу, устроили типографию и ее заводились или, никто не знал. В Берне ул была послана типография в 1905 г., а потом в 1907 году. Было это дело трудное, потому что когда было послано в специально человека, были крупные задержки.

Тор. Бердичев. Он вернулся в конце 1906 года и здесь было обращение в этой организации.

Тор. Кошмаров. Я приехал с той мыслью, что я пойду мажорсом в государственное плавание. Но потом эта мысль сошла. В 1907 году, в 1906 году возникло оно. В 1907 году была забастовка в омском товариществе революционеров печатного дела. Тогда обведясь интересное положение. В комитете была часть меньшевистского направления, часть большевистского. Тех, кто придерживался меньшевистского направления отстранили в "Омской жизни" и они были заинтересованы, чтобы комитет расколот. А тут вдруг типография закрылась. Забастовка была латая. Михаил Рашков и сказал, что до тех пор, рабочие не приступят к работе, пока не удовлетворят их требований. Получился скандал, т.к. знали, что часть комитета за забастовку и продолжали забастовку, и она была эмгранна.

1907

Тов. Бердникова. До какого времени не провалились организации в 1907 году?

Тов. Колмаков. В 1907 году провалов не было. Провалы были в 1908 году. Типография работала слабо ввиду того, что публикация "ахалась, Решецов, я и почти все остальные были поднадзорными и было очень трудно работать.

Тов. Бердникова. Никифорова вы не встречали?

Тов. Колмаков. Это был железнодорожник. Он как будто-то и сейчас здесь. Это друг и приятель Смирнова. У него на квартире были студенты Попов и Коозринов. Он фельдшер и его можно здесь найти через Богданова Дмитрия Николаевича, который работает на электростанции. Он участник движения тех времен. Чего береглись, потому что он был очень высокий и заметный. Никифоров знает Семенова, у которого на квартире была два раза типография. Дом Новонова сохранился по Тверской улице. Там была слесарная мастерская.

У меня есть статистические данные о печатниках. Была разработана анкета и было полное обследование. Этот материал я обрабатываю и нужно его печатать в Москве или в Ново-Сибирске через какую-нибудь группу.

*Селин
1905*

Был такой инцидент - студентам хотели выступать в годовщину освобождения крестьян 1903 года. Им предложили перенести демонстрацию на 1 мая 1903 года. Им хотели сохранить силы к 1 мая. Мы подготовились хорошо и была крупнейшая демонстрация 1 мая (18 апреля) 1903 года. Когда эта демонстрация прошла, то сказали, что правильно сделали.

4/2

Томские силы рассчитали по Сибири и бросили на Дальний Восток. 1905 год я прожил в Харбине. Там было интересно. Погромы там не было не потому что не хотели, а когда некоторые генералы начали печатать об этом листовки и выпускали их, то харбин-

ская организация выпустила листовку "Погромщики могут выступать
но мы располагаем штурмами и другим оружием". Когда они об этом
узнали, то их дело провалилось. Когда прочитали обе прокламации,
то черносотенцам дали нагоняй, чем сторжк амолали, получился
смакдел.

О Сибирском союзе я печатал прокламации здесь в Томске.

Профессиональное движение носило узкий характер.

В период Колчака я был и здесь и в Новосибирске. Когда
Колчак начал отступать, то мы себя плохо почувствовали, так как
боялись арестов и многие сидели в контрразведке. Я был в Но-
во-сибирске месяцев 6 в конце 1919 года. Работал там в типографии
Денисова я знал. Когда его увезли в Петропавловск, я был в Ново-
сибирске. Денисова вызвали на улицу два охранника, поговорили
с ним, а потом его увезли в Петропавловск. О нем дали отъезд,
чтобы выручить его. Фактически типография была в моих руках.
Я давал отъезд, так как его нужно было освободить. Дал справку,
что такой то гражданин работает в качестве такового-то и предосу-
дительно ничего не было.

ВХОДА ПРЕВРАЩАЕТСЯ.

Стенографировала ТРУДИТЯ.